

• ХИТЫ ЗАРУБЕЖНОЙ ПРОЗЫ •

ЧИТАЙТЕ ДРУГИЕ РОМАНЫ СЕРИИ

Джоанн ХАРРИС

Шоколад
Кошка, шляпа и кусок веревки
Чай с птицами
Евангелие от Локи

Софи КИНСЕЛЛА

Шопоголик среди звезд

Гийом МЮССО

Зов ангела
Бумажная девушка
Сентрал-парк

Эй. Джи. РИЧ

Рука, кормящая тебя

Кейт МОРТОН

Дом у озера
Хранительница тайн

Лиз ДЖЕНСЕН

Девятая жизнь Луи Дракса

Джессика КНОЛЛ

Счастливые девочки не умирают

Энн ЖИРАР

Мадам Пикассо

Валери ТОНГ КУОНГ

Мастерская чудес

Хенк ФИЛИППИ РАЙАН

Другая женщина

Чарльз МАРТИН

Когда поют сверчки
Между нами горы

Фиона БАРТОН

Вдова

Дэниел КИЗ

Пятая Салли
Прикосновение

Эммануэль АРСАН

Эммануэль. Антидева

Иэн БЭНКС

Осиная фабрика

Маркус ЗУСАК

Я – посланник

Рэй БРЭДБЕРИ

451° по Фаренгейту

Сара РАЙНЕР

Один момент, одно утро

Лайза ДЖУЭЛЛ

Винс и Джой

Иэн МАКБЮЭН

Амстердам

САРА РАЙНЕР

Один момент,
ОДНО УТРО

Москва
2018

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44
P12

Sarah Rayner
ONE MOMENT, ONE MORNING

Copyright © Sarah Rayner, 2010

Перевод с английского *М. Кононова*

Разработка серии и оформление обложки:
Александр Кудрявцев,
студия графического дизайна «FOLD & SPINE»

Райнер, Сара.

P12 Один момент, одно утро / Сара Райнер ; [пер. с англ. М. П. Кононова]. — Москва : Издательство «Э», 2018. — 416 с. — (Хиты зарубежной прозы).

ISBN 978-5-04-091613-9

Семь утра, поезд из Брайтона в Лондон. Все как обычно, люди украдкой наблюдают друг за другом, впереди очередной рабочий день. Но в одно мгновение что-то меняется, и судьба Анны, Лоу и Карен никогда уже не будет прежней. Один момент, одно необыкновенное утро в поезде... Кто бы мог подумать, что история, случившаяся тогда, станет для них отправной точкой новой жизни, о которой они и не могли мечтать?

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

© Кононов М., перевод на русский язык, 2018
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Э», 2018

ISBN 978-5-04-091613-9

Понедельник

7 ч. 58 мин.

Лу притворяется спящей, но краем глаза подсматривает, как женщина напротив наносит макияж. Ее всегда это завораживает — смотреть, как другие женщины «делают» себе лицо в поезде. Сама Лу никогда не красится — разве что в редких или особых случаях, — и хотя понимает, что так можно сэкономить время, ей кажется нелепым выносить этот процесс на публику, в общественный транспорт, а не прихорашиваться в уединении. Когда маскируешь дефекты кожи, делаешь ресницы пушистее, глаза больше, а щеки румянее в окружении людей, это уничтожает таинство. А в семь сорок четыре, когда поезд отправляется в *Викторию*¹, людей вокруг полно; по большей части

¹ Железнодорожный вокзал в Лондоне. (Прим. ред.)

они спят или, по крайней мере, дремлют, некоторые читают, а кто-то, их меньшинство, разговаривает.

Женщина на соседнем сиденье, через проход от Лу, одна из таких. У Лу тихонько играет ай-под, и она не слышит, что женщина говорит, но по наклону головы ясно, что женщина разговаривает с мужчиной справа от себя. Лу пододвигается и чуть сдвигает капюшон своей парки, мокрый от дождя — ведь пришлось ехать до станции на велосипеде под морозящим дождем. Ей хочется получше разглядеть эту пару. Это муж и жена. На их пальцах обручальные кольца, в руках — бумажные стаканчики с кофе. Женщине, наверное, лет сорок. Лу не видит ее полностью, но, кажется, у нее тип лица из тех, что Лу нравятся. Интересный, привлекательный профиль, хотя и с легким намеком на второй подбородок, а каштановые волосы ниспадают плотным занавесом. Насколько Лу может рассмотреть ее мужа, он выглядит не так хорошо — тяжеловесного сложения, седеющий, — и Лу решает, что он лет на десять, а то и больше старше жены, но лицо у него доброе. В выражении лица видна мягкость, а глубокие морщины вокруг рта говорят, что он любит посмеяться. Женщина нежно прислонилась к его плечу. Перед ним толстая книга в бумажном переплете, последний бестселлер, но он не читает — он гладит жену по руке, тихо, ласково. Лу даже ощутила зависть. Она завидует их нежности и тому, как они, не задумываясь, проявляют ее.

Поезд останавливается в Берджесс-Хилле. За окном льет, и усталые пассажиры, заходя в вагон, отряхивают и складывают зонтики. Их поторапливает короткий свисток, и когда раздвижные двери закры-

ваются, Лу снова переводит взгляд на женщину напротив. Она закончила наводить тени, придав глазам больше выразительности — теперь все ее лицо как будто приобрело отчетливость, резкость. Только губы остались бледными, словно лишенными жизни. Лу кажется, что без макияжа она выглядела не хуже — как-то милее, беззащитнее. Впрочем, как ни посмотри, она хорошенькая. А ее волосы, копна светлых спиралевидных завитков, — в них столько энергии, они такие упругие, так отличаются от ее, Лу, волос — коротких, торчащих, мышинового цвета. А вот до волос этой женщины хочется дотронуться.

Лу наблюдает, как молодая женщина переключает внимание на свои губы. И вдруг замирает — «лук купидона» лишь наполовину зарозовел, как у недоделанной фарфоровой куклы. Следуя за ее взглядом, Лу смотрит на супружескую пару — мужчину внезапно стошнило, и причем самым неловким образом. По всему его пиджаку, рубашке, галстуку течет пузырящаяся молочная слизь с кусочками полупереваренного круассана, как у маленького ребенка.

Лу украдкой вынимает наушник.

— О господи! — говорит женщина, лихорадочно вытирая блевотину слишком маленькой салфеткой, которую дают вместе с кофе.

Но безуспешно: с детским булькающим звуком мужчину снова рвет. На этот раз на запястье жены. Рвота забрызгивает ее шифоновую блузку и — о ужас! — занавес ее волос.

— Не знаю... — говорит он, разевая рот, и Лу видит, что он вспотел, обильно, отвратительно, как-то совсем ненормально. — Прости...

Лу кажется, что она знает, в чем дело — теперь мужчина схватился за грудь и сидит, выпрямившись, как будто аршин проглотил, и вдруг — *бух!* — он со стуком падает лицом на столик. И замирает. Совершенно замирает. Несколько секунд — или так кажется — никто ничего не делает. Лу просто смотрит на его разлитый кофе, как бежевая струйка бежит вдоль края окна, по боковой стороне кремового пластикового столика и — кап-кап-кап — на пол. За окном по-прежнему проносятся мокрые деревья и поля.

А потом поднимается шум.

— Саймон! Саймон! — вскакивая, кричит его жена.

Саймон не реагирует.

Супруга трясет его, и Лу мельком замечает его лицо с открытым ртом и измазанной блевотиной щекой, прежде чем он откидывается назад, мотая головой. И тут она понимает, что видела его раньше в этом поезде.

— Боже! — говорит недовольный пассажир напротив, помахивая своей газетой. — Что с ним за чертовщина? Напился, что ли? — Он фыркает с явным осуждением.

Его неодобрение словно гальванизирует Лу.

— Черт! У него сердечный приступ! — Она вскакивает, торопливо вспоминая стародавние курсы по оказанию первой помощи, детские лагеря и эпизоды из сериала «Скорая помощь»¹. — Кто-нибудь, позовите кондуктора!

¹ «Скорая помощь» — американский телесериал, первая серия которого была показана в 1994 г. В главных ролях — Энтони Эдвардс, Джордж Клуни, Шерри Стрингфилд и др. (Прим. ред.)

Другой мужчина, молодой, неряшливый, с козлиной бородкой, сидевший рядом с женщиной, наносившей макияж, бросает свой пластиковый пакет и встает.

— Где проводник? — спрашивает он у Лу, как будто та все знает.

— В середине состава! — кричит жена.

Молодой человек в растерянности озирается.

— Туда, — говорит Лу, указывая в сторону головного вагона, и он убегает.

* * *

В третьем вагоне Анна с удовольствием читает свой любимый гляцевый журнал. Целые две остановки она была поглощена главной статьей номера о поп-принцессе, находящейся на излечении от алкогольной зависимости, а теперь дошла до раздела «Разыскиваются», где высмотрела пиджачок, который бы очень ей подошел, из сетевого магазина, новое поступление к весне, по вполне разумной цене. Она только загнула страницу, чтобы не забыть еще раз посмотреть вещичку, и в этот момент ее локоть задевает молодой человек с козлиной бородкой: он несется куда-то вперед.

— Большое спасибо, — саркастически бормочет она. Ох уж эти брайтонские хиппи!

Через несколько секунд он торопливо возвращается, за ним по пятам следует кондуктор. Она переосмысливает ситуацию — оба выглядят встревоженными.

Похоже, что-то стряслось.

Потом из репродуктора слышится голос машиниста:

— Есть среди пассажиров доктор или медсестра? Если есть, пожалуйста, подойдите к кондуктору в пятом вагоне.

«Откуда пассажирам знать, где этот пятый вагон?» — думает Анна.

Но люди, очевидно, знают — не проходит и десяти секунд, как мимо нее почти бегом промчались две женщины с сумками в руках. Анна удивленно поднимает брови, глядя на пассажиров напротив. Такой испуг — редкость на этом утреннем поезде, где существует негласное правило не шуметь и вести себя деликатно. И это немного тревожит.

Вскоре поезд подъезжает к Уивелсфилду. «Почему мы здесь остановились? — беспокоится Анна. — Обычно мы проезжаем мимо, не снижая скорости».

Она надеется, что это просто сигнал семафора, но подозревает, что случилось что-нибудь более злое. Через пять минут ее беспокойство возрастает, и в этом она не одинока: все люди рядом нетерпеливо ожидают отправления, беспокойно ерзая на сиденьях. Анне нужно, чтобы поезд прибыл вовремя, иначе она опоздает на работу. Она работает внештатно, и хотя у нее долгосрочный контракт, работодатели очень педантичны в отношении учета времени. У них просто железная дисциплина, и все знают, что начальник с сердитым видом стоит у входа, поджидая опоздавших.

Слышится, как кто-то подул в микрофон, а затем следует еще одно объявление:

— Мне очень жаль, но один из пассажиров серьезно заболел. Мы простоим еще несколько минут в ожидании «Скорой помощи».

Сердце у нее упало, и она подумала: почему же заболевшего не вынесли из поезда, чтобы дожидаться «Скорой помощи» на перроне? Но тут же бранит себя за бессердечие: один взгляд на хлещущий за окном дождь дает ответ. Сейчас февраль, холодно.

Происшествие отвлекло ее от чтения, и она смотрит в окно: дождь колотит по серой платформе, и там, где поверхность неровная, собирается в лужи. «Уивелсфилд, — думает Анна, — где это, черт возьми?» Она никогда не бывала в этом месте, только проезжала мимо на поезде.

Десять минут превратились в пятнадцать, потом в двадцать; новых сообщений не поступало. Пассажиры уже набирают на своих мобильных сообщения или звонят куда-то; большинство говорят очень тихо. Некоторые, менее сочувственные, громко выражают свое бессердечное негодование:

— Не пойму, в чем дело. Ну, кому-то стало плохо — наверное, чертову наркоману...

Но другие, похоже, рады возможности показать собственную значительность:

— Мне очень жаль, Джейн, я здесь застрял, опоздаю на совещание. Пусть перенесут, хорошо, пока я не приеду? — и тому подобное.

Потом, наконец, Анна видит, как мимо окна спешат три фигуры в ярких куртках и с носилками. Слава богу, теперь уже недолго.

Она не отрывает глаз от платформы, ожидая, что вот-вот обратно торопливо понесут носилки с притянутым ремнями телом, но видит только лишь унылую бетонную стену, а дождь все льет, заполняя водой ка-

навки на желтом предупреждении: «Осторожно, край платформы!»¹

Наконец, слышится стук, какой-то шум, и новое объявление:

— Леди и джентльмены, я снова прошу прощения: похоже, мы останемся здесь на неопределенное время. Мы не в состоянии вынести пассажира. Если можно, прошу набраться терпения. Как только будут какие-то известия, мы вам сразу сообщим.

Раздается коллективный вздох, все шевелятся.

«Какая досада!» — думает Анна, прежде чем успевает подавить эту мысль, и на смену приходит не такая бессердечная: «Как странно!» Она определенно не купилась на предположение о наркомане — боже правый, брайтонские наркоманы не ездят на утренних поездах. Несомненно, кому-то в самом деле стало плохо. И все же ее беспокоит ситуация на работе, у нее сегодня полно дел. Ее мысли — смесь собственных интересов и альтруизма — похоже, совпадают с настроением сидящих напротив пассажиров — на их лицах явно читаются недовольство, раздражение и озабоченность.

— Почему они не могут ехать? — наконец, говорит мужчина напротив, нарушив табу не разговаривать в поезде с незнакомыми.

¹ Чтобы понять, о каких канавках идет речь, можно посмотреть иллюстрацию такого предупреждения на английской станции здесь: <http://www.georgefwhite.co.uk/phpmedia/news/lrg/ba3dbd66ba183de599109658ffa8f528.jpg>. (Здесь и далее, за исключением специально оговоренных случаев, примечания переводчика.)

Он высокий, в очках, с бритой головой и безукоризненно накрахмаленным воротничком — как с картинки Нормана Роквелла¹.

— Может быть, кто-то получил травму позвоночника, — говорит пассажирка рядом с ним, полноватая пожилая женщина. То, как она слегка отодвигается от него, произнося эти слова, говорит о том, что ей хочется дистанцироваться от этого бессердечного типа. — Их шею нельзя трогать.

Мужчина кивает:

— Может быть, так оно и есть.

Анна не совсем уверена в этом.

— Однако несколько странно: как можно в поезде получить травму позвоночника?

— Может быть, кто-то умер.

Обернувшись, Анна видит рядом молодую девушку: прямые черные волосы, пирсинг на лице. Готка.

— О, ради бога, нет! — озабоченно восклицает пожилая женщина. — Конечно, никто не умер?!

— Все может быть, — соглашается «Норман Роквелл». — Может, именно поэтому мы и торчим здесь. Им нужно вызвать полицию.

— Засвидетельствовать смерть, — говорит готка.

И вдруг гляцевый журнал уже не кажется Анне по-прежнему интересным. Обычно, когда она читает его, то получает еженедельную дозу развлечения, моды, стиля и сплетен; она знает, что журнал несерьезный и довольно пустой, но считает, что в этом нет ничего страшного, ведь он все-таки затрагивает

¹ Норман Роквелл (англ. Norman Rockwell) — американский художник, известный изображениями американского быта.

и более широкие темы. И тут, как будто подтверждая ее мысли, она видит именно такую статью: фотография молодой афганской женщины с обезображенным ожогами телом.

Анна вздрагивает от ужаса.

* * *

Лу видит, как пассажиры наклоняют головы, когда двое санитаров поднимают носилки над сиденьями, и это ей кажется чуть ли не смешным. Носилки неудобные, даже с удаленными колесиками и поперечной они больше, чем любой чемодан, и все происходящее кажется нереальным, как в кино, или, точнее, это напоминает эпизод из телевизионного сериала. Только телевизор можно выключить, а тут приходится смотреть — как можно не смотреть, когда все происходит в нескольких дюймах от тебя?

Последние десять минут две молодые женщины — очевидно, медсестры, ехавшие на работу в Хейвардс-Хитскую больницу, — пытались привести мужчину в сознание, все больше теряя надежду на успех. Они проверили, дышит ли он, пощупали пульс на шее, а потом с помощью кондуктора положили его на пол, в горизонтальное положение. Все это происходило прямо у ног Лу, она не успела отойти в сторону и потому, стиснутая, оказалась вынуждена смотреть на разворачивающийся перед ней кошмар. Медсестры работали поочередно — одна нажимала, нажимала, нажимала ладонями ему на грудь такими размеренными и напористыми движениями, что они казались яростными, а другая вдвухала воздух ему в рот через

каждые три десятка нажатий. Когда та женщина, которая нажимала на грудь, уставала, они менялись местами.

Все это время его жена беспомощно стояла в проходе. Она не произносила ни звука, переключая внимание с одной медсестры на другую, а потом снова на мужа. Лицо ее исказила тревога.

Потом прибыли санитары, и медсестра, которая дышала мужчине в рот, отстранилась. Взглянув на них, она покачала головой — коротким, но многозначительным жестом. Ничего хорошего.

Санитары сумели занести носилки сбоку, положили на них больного и быстро унесли на более просторное место у дверей вагона. Несколько стоявших там пассажиров посторонились. Лу увидела кислород, дефибрилятор, лекарства — инъекция, потом крик «Отойдите!», и санитары ударили его током.

Никакого результата.

Еще раз.

Никакого результата.

Еще раз.

Опять никакого результата.

Все в вагоне замерли. Это была не просто нездоровая зачарованность, а неспособность понять, что происходит. Все испытали настоящий шок. Что теперь делать? Но кондуктор неправильно понял, что означают отвисшие челюсти и вытаращенные глаза пассажиров, и — то ли из сочувствия к мужчине и его жене, то ли из желания взять ситуацию под контроль, не важно, — пролаял достаточно громко, чтобы все услышали:

